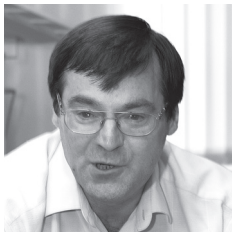

КУРБАТОВ АЛЕКСЕЙ ЯНОВИЧ

профессор кафедры предпринимательского права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук

ПРИНЦИП НЕДОПУСТИМОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ ДОБАВИЛИСЬ НОВЫЕ

В статье рассматриваются как уже известные проблемы применения принципа недопустимости злоупотребления правом, так и возникшие вновь в связи с внесением изменений в Гражданский кодекс РФ, в частности с введением принципа добросовестности как основополагающего для гражданского права, а также понятия обхода закона с противоправной целью как формы злоупотребления правом. Показывается, что российское право все больше превращается в бессистемный набор оценочных категорий с неограниченными полномочиями судов по их применению.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность, обход закона

Принцип недопустимости злоупотребления правом был закреплен еще в ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (далее — ГК РСФСР). Его суть сводилась к тому, что права должны осуществляться в соответствии с их назначением, в противном случае они не охраняются законом. Однако в период действия ГК РСФСР этот принцип практически не применялся и в большей степени был предметом внимания ученых, а не правоприменительных органов. Интерес к нему возник в 1990-е гг. в связи с резкими изменениями общественных отношений, за которыми право объективно не успевало. И это не случайно, поскольку в данном случае проявилось основное значение принципа недопустимости злоупотребления правом.

Жизнь настолько многообразна, что ни один законодатель по объективным причинам не в состоянии прямо установить пределы проявления интересов для всех случаев, возникающих в практической действительности (через объем прав как элементов правосубъектности, через установление запретов, через объем корреспондирующих правам обязанностей в правоотношении). Поэтому важнейшее значение принципа недопустимости злоупотребления правом заключается в том, что он создает для правоприменительных органов возможность реагировать на конкретные действия определенных лиц, если выявлено, что они нарушают охраняемые правом интересы (как частные, так и публичные), но закон не предусматривает специальной ответственности

за такие действия. Названный принцип позволяет подтвердить их неправомерность, вытекающую из общего смысла законодательства, через акты применения (индивидуальные предписания) или интерпретационные акты (закрепляющие результаты толкования права).

При этом следует особо подчеркнуть, что потребность в применении принципа недопустимости злоупотребления правом возникает при необходимости реагировать на действия, не подпадающие под прямо установленную ответственность, но нарушающие охраняемые правом интересы других лиц. Если же ответственность за такие действия в законодательстве предусмотрена, то их дополнительная квалификация в качестве злоупотребления правом лишена всякого смысла.

Вопрос о злоупотреблении правом может возникнуть при нарушении как частных, так и публичных интересов во всех сферах правового регулирования. Это свидетельствует о том, что принцип недопустимости злоупотребления правом является общеправовым, что подтверждается и постановлениями Конституционного Суда РФ[1], и тем, что данный принцип находит выражение как в Конституции РФ, так и в нормах международного права.

Однако при применении принципа недопустимости злоупотребления правом возникает целый ряд проблем. По многим из них правоприменительная практика так и не выработала единого подхода. К сожалению, в последнее время в результате массированной «модернизации» российского права к уже существующим проблемам добавились новые.

Ранее возникшие проблемы применения принципа недопустимости злоупотребления правом

1. Бессистемность выражения данного принципа в правовых нормах

Недопустимость злоупотребления правом, как и любой другой правовой принцип, выражается в системе правовых норм. В общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Указанное положение закреплено в гл. 2 Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина. Однако эти права и свободы распространяются также и на юридических лиц в той степени, в какой они по своей природе могут быть к ним применимы[2].

Следует учитывать, что, поскольку в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ речь идет о правах и свободах, содержание принципа недопустимости злоупотребления правом необходимо определять через понятие интересов, лежащих в основе любого права, принадлежащего субъекту (автор разделяет их на права как элементы правосубъектности и субъективные права в правоотношении[3]).

Такой вывод подтверждают и положения ч. 2 ст. 36 Конституции РФ, устанавливающей, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

Запрет злоупотребления правами также содержится в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод алее. Согласно ст. 17 Конвенции ничто в ней не может толковаться как означающее, что какие-либо государство, группа лиц или лицо имеют право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается Конвенцией.

В данном случае речь снова идет о правах и свободах.

> В связи с этим в корне неверно рассматривать принцип недопустимости злоупотребления правом только как относящийся к гражданскому или налоговому праву (т.е. как отраслевой). Хотя, безусловно, он может быть закреплен и в нормах отдельных отраслей права.

[1] *См., напр.: Постановления КС РФ от 12.04.2002 № 9-П (абз. 1 п. 3 мотивировочной части), от 15.03.2005 № 3-П (абз. 2 п. 4.3 мотивировочной части).*

[2] *См., напр.: Постановления КС РФ от 17.12.1996 № 20-П (абз. 1 п. 4 мотивировочной части), от 12.10.1998 № 24-П (абз. 4 п. 2 мотивировочной части).*

[3] *См.: Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. М., 2010. С. 14–15.*

К сожалению, правоприменительная практика игнорирует это обстоятельство. Например, квалификация действий как злоупотребления правом в гражданско-правовых отношениях производится исключительно через ссылки на ст. 10 ГК РФ[4], а в налоговых отношениях — через ссылки на Определение КС РФ от 25.07.2001 № 138-О, которым в российскую правоприменительную практику введено понятие «недобросовестный налогоплательщик», а также на Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», закрепившее понятие необоснованной налоговой выгоды (уменьшения размера налоговой обязанности). Исходя из последних двух актов можно сделать логический вывод о том, что получение необоснованной налоговой выгоды является недобросовестным поведением и злоупотреблением правом со стороны налогоплательщика.

2. Неопределенное содержание принципа недопустимости злоупотребления правом

Данная проблема наглядно иллюстрирует «изоляционизм» в развитии отраслей российского права, когда в каждой из них рассматриваемый принцип приобретает особое содержание. Он активно разрабатывается не только в гражданском и налоговом, но и в семейном и трудовом праве, а также в процессуальных отраслях. Кроме того, разрабатывается понятие злоупотребления властью со стороны государственных и муниципальных органов и должностных лиц. В общем виде под злоупотреблением властью как разновидностью злоупотребления правом понимается использование власти в собственных интересах, а также использование не соответствующих цели средств.

В гражданском законодательстве недопустимость злоупотребления правом закреплена в п. 1 ст. 10 ГК РФ. В соответствии с первоначальной редакцией этого пункта признавались недопустимыми действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

Традиционно считалось, что в данном случае имелись в виду две формы злоупотребления правом:

1) с умыслом причинения вреда (однако эта форма практически неприменима, поскольку в гражданском праве нет средств, позволяющих установить умысел, поэтому в подавляющем большинстве случаев вина устанавливается в форме неосторожности);

2) когда объективно нарушаются интересы других лиц, в том числе публичные интересы.

Помимо этого, указанное положение ГК РФ закрепляет, что не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Принцип недопустимости злоупотребления правом отражен также и в ~~п.п.~~ 2, 3 ст. 209 ГК РФ, запрещающих при реализации прав собственности нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц.

С 01.03.2013 г. первое предложение п. 1 ст. 10 ГК РФ действует в новой редакции: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» (см. ~~подп.~~ 7 ст. 1 Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; далее — Федеральный закон № 302-ФЗ). Тем самым в перечень форм были добавлены действия в обход закона с противоправной целью и прямо закреплено, что сутью злоупотребления правом является недобросовестное осуществление гражданских прав.

> В налоговом праве понятие недобросовестности налогоплательщиков так и не выработано. Бремя ее доказывания возложено на налоговые органы, а окончательное решение полностью зависит от судейского усмотрения. При решении этого вопроса активно, но бессистемно используются различные конструкции из зарубежных правопорядков (доктрины деловой цели, должной осмотрительности и др.).

[4] *См., напр.: приложение к Информационному письму ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».*

Не изменило ситуацию и появление понятия «необоснованная налоговая выгода»: оно было введено уже упомянутым Постановлением Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53, в котором также была предпринята попытка выделить критерии определения такой выгоды. Хотя этот документ обратил внимание на действующую в российском праве презумпцию добросовестности налогоплательщиков и иных участников правоотношений в сфере экономики (следствием которой является то, что действия налогоплательщика, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, — достоверны (п. 1)), от субъективизма в оценке действий налогоплательщиков уйти так и не удалось.

В немалой степени такой ситуации способствует игнорирование в налоговых отношениях правовой позиции КС РФ, согласно которой правоприменительные органы не могут истолковывать понятие «добросовестные налогоплательщики» как возлагающее на субъектов дополнительные обязанности, не предусмотренные законодательством[5]. Соответственно, при решении связанных с получением налоговой выгоды проблем акцент делается не на изменение законодательства, а на судебную практику.

Кроме того, рассмотрение принципа недопустимости злоупотребления правом через категорию «интерес», как этого требует Конституция РФ, неизбежно вызывает вопросы о правомерности подходов, согласно которым за действия руководителя негативные последствия возлагаются на юридическое лицо, поскольку при этом не учитываются интересы акционеров и работников, также предопределяющие содержание интереса юридического лица как субъекта права.

3. Придание злоупотреблению правом абсолютно оценочного характера

Безусловно, злоупотребление правом по своей сути является оценочной категорией. Однако оценочность нельзя возводить в абсолют, т.е. не стремиться выработать объективные критерии оценки, а, наоборот, их устранять.

Ярчайшим примером такого подхода является понятие недобросовестной конкуренции, признаваемой разновидностью злоупотребления правом.

Согласно ~~подп.~~ 9 ст. 4 Федерального закона ~~«О защите конкуренции»~~ недобросовестная конкуренция — это «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации».

Довольно трудно через какие-нибудь объективно существующие признаки ответить на следующие вопросы.

1. Что такое «получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности»? (Вообще-то любое позитивное действие, совершенное хозяйствующим субъектом, создает ему преимущество перед конкурентами.);

2. Что означает «могут причинить убытки» либо «могут нанести вред»? (Например, любая промышленная техника и автомобили, приобретаемые хозяйствующим субъектом, могут причинить кому-то убытки либо нанести вред жизни или здоровью.)

Также непонятно, на чем основана уверенность в существовании единого понимания юридического значения таких понятий, как добропорядочность, разумность и справедливость.

А ведь для квалификации действий как недобросовестной конкуренции необходимо доказывать наличие всех указанных элементов. Однако, судя по судебной практике, никто себя этим даже не утруждает, — вероятно, понимая, что все равно ничего вразумительного написать невозможно. Поэтому суды ограничиваются упоминанием трех перечисленных понятий, не поясняя, что под ними понимается.

В то же время это разные по правовой природе, содержанию и значению понятия. В частности:

[5] *См., напр.: Определение КС РФ от 16.10.2003 № 329-О (абз. 2 п. 2 мотивировочной части).*

справедливость — это категория конституционного процесса, если в законе не закреплено его конкретное значение для определенных отношений[6];

понятие разумности используется в гражданском праве как критерий соответствия той или иной модели поведения (например, п. 3 ст. 53 ГК РФ), т.е. через него устанавливается либо вина, либо противоправность (законодательство эти понятия часто смешивает);

добропорядочность вообще трудно определить с юридической точки зрения, поскольку в гражданском праве существует только принцип добросовестности.

Или возьмите право Федеральной антимонопольной службы признавать действия по регистрации товарного знака недобросовестной конкуренцией, игнорируя при этом соответствующее решение другого государственного органа, который в связи с этим сам должен признать недействительным предоставление товарному знаку правовой охраны (п. 3 ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции»). К сожалению, этот подход воспринят и ГК РФ (подп. 6 п. 2 ст. 1512).

Если продолжать эту логику, то можно дойти до полного абсурда и, исходя из субъективной оценки, игнорировать, например, регистрацию юридического лица как субъекта права, регистрацию права собственности на недвижимость, регистрацию брака и другие юридические факты. В то же время если основываться на нормальной правовой логике, то без отмены судом соответствующего решения государственного органа действия по регистрации товарного знака не могут быть признаны недобросовестной конкуренцией, т.е. противоправными действиями (равно как и при приобретении прав, связанных с товарным знаком, по договору без признания его судом недействительным).

> Исходя из этого представляется, что законодательство о конкуренции — это вообще по содержанию явление неправовое. Его можно определить как закрепленную на бумаге возможность применять юридическую ответственность на основе субъективных представлений.

[6] *Подробнее см.: Курбатов А.Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М., 2013. С. 116.*

Новые проблемы применения принципа недопустимости злоупотребления правом

1. Введение принципа добросовестности как основополагающего для гражданского права

Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ в редакции Федерального закона № 302-ФЗ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Подобное закрепление принципа добросовестности принесет больше вреда, чем пользы.

Во-первых, об этом свидетельствуют проблемы в налоговом праве, возникшие после введения КС РФ понятия «добросовестный налогоплательщик», которые настойчиво игнорируются.

Во-вторых, принцип добросовестности не является для российского права чем-то принципиально новым. Вопреки утверждениям отдельных авторов о том, что такой принцип ранее отсутствовал в ГК РФ, в российском праве недопустимость злоупотребления правом всегда рассматривалась как проявление требования о добросовестном поведении, но в ограниченном виде. Об этом свидетельствует закрепленная в ст. 10 (ранее п. 3, теперь — п. 5) ГК РФ презумпция разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений. Но если принцип недопустимости злоупотребления правом подразумевает недопустимость нарушения интересов, то принцип добросовестности позволяет возлагать неблагоприятные последствия на субъекта даже за поведение, не повлекшее нарушение прав.

В-третьих, добросовестность — понятие достаточно сложное. Еще со времен римского права сложилось два подхода к определению его содержания:

1) объективный, в соответствии с которым добросовестность понимается как честность и соблюдение баланса интересов сторон (иногда добавляется разумность, но тогда непонятно, почему п. 5 ст. 10 ГК РФ разделяет понятия «разумность» и «добросовестность»);

2) субъективный, согласно которому добросовестность означает незнание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению им права.

И хотя утверждается, что в ГК РФ добросовестность закреплена в объективном смысле, доказать это в случае чего при рассмотрении дела в суде будет достаточно непросто. К тому же применение этого понятия в налоговых отношениях свидетельствует об обратном (возьмите, например, критерий должной осмотрительности).

Такая ситуация фактически ликвидирует подход, согласно которому для взыскания убытков необходим состав правонарушения, в частности противоправность и, по общему правилу, вина. При желании вопрос о доказывании и исследовании вины можно обойти, ссылаясь на недобросовестность (п. 4 ст. 10 ГК РФ).

В-четвертых, если обратиться к понятию добросовестности, то здесь складывается традиционная для последних лет ситуация. Сначала понятие вводится в законодательство, а потом начинаются дискуссии о том, что под ним надо понимать, в результате же риски неправильных и противоречивых судебных решений перекладываются на участников судебных споров. Взгляды на понятие «добросовестность» представлены в широком спектре мнений: начиная от традиционных ее значений в объективном и субъективном смысле и заканчивая утверждениями о том, что она означает обязанность учитывать законные интересы других участников имущественного оборота (заботиться об их соблюдении). Последняя позиция не только подменяет термин «нарушение интересов», используемый в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, формулировкой «учет» или «забота о соблюдении», но и искажает суть осуществления гражданских прав, поскольку они реализуются субъектами в своем интересе и по своему усмотрению (см. п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ), а действия в чужом интересе без поручения — это отдельный институт (см. гл. 50 ГК РФ).

Таким образом, сложившееся в зарубежных правопорядках содержание добросовестности серьезно искажается: ведь оно не сводится к тому, чтобы отказываться от собственных выгод или заботиться о выгодах другого. За рубежом в нем заложена обязанность сторон сотрудничать для достижения некоего общего результата экономической операции[7]. Такая трактовка все равно требует выработки критериев оценки, но она хотя бы не выходит за рамки здравого смысла. Правда, по нашему мнению, подобные декларации неправового характера должны все равно выражаться в конкретных обязанностях, установленных законом, например предоставлять информацию, определенным образом определять содержание рекламы и оферт, не допускать воздействия на волю стороны и т.д.

В-пятых, не очень понятно, является ли принцип добросовестности общеправовым, межотраслевым или только принципом гражданского права. В результате вновь создается широкий простор для судейского усмотрения того, что из чего проистекает, что является общим, а что специальным. В частности, возникает вопрос: не следует ли теперь ч. 3 ст. 17 Конституции РФ признать выражением принципа добросовестности, а не недопустимости злоупотребления правом? Но тогда возникнет опять проблема с выявлением содержания этого принципа, поскольку не нарушать и сотрудничать — это не одно и то же.

Помимо этого существует целый ряд судебных решений КС РФ и ВАС РФ, ссылающихся на принцип справедливости, в который исходя из контекста вкладывается точно такой же смысл, как в принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом.

> Таким образом, параллельное существование нескольких принципов похожего, но одинаково неопределенного содержания дает возможность судам признать любой договор недействительным.

Причем даже не мотивируя особенно свое решение: достаточно указать на недобросовестность или злоупотребление правом. Еще более усугубит ситуацию то, что недобросовестное поведение будет упоминаться как основание для признания сделок недействительными в ряде статей новой редакции ГК РФ.

2. Введение понятия обхода закона как формы злоупотребления правом

Включение в ГК РФ упоминания обхода закона как формы злоупотребления правом можно было бы назвать технико-юридическим действием, поскольку перечень форм злоупотребления правом является

[7] *См.: Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. М., 2010. С. 267–268.*

открытым и у судов не было препятствий для применения этой формы и ранее. Однако есть одно важное обстоятельство: если ранее суд должен был обосновывать, что он понимает под этой формой и исключительность обстоятельств, требующих ее применения, то сейчас он может, ничего не объясняя, просто сослаться на ст. 10 ГК РФ.

> Между тем обход закона — одно из самых трудно реализуемых понятий в праве.

Очень тяжело отграничить его от неисполнения закона, от совершения мнимых и притворных сделок, от неправильной квалификации отношений их участниками, от использования непоименованных, но не запрещенных законом правовых форм. А введение термина «обход закона с противоправной целью» вообще выводит это понятие за рамки здравого смысла, поскольку логично приводит к мысли о том, что существует обход закона с правомерной целью, и, следовательно, всем субъектам при реализации законодательных норм предоставляется право оценивать их на предмет соответствия общим принципам права и решать, соблюдать их или нет, т.е. полномочия КС РФ. «Обход закона с противоправной целью» — это тавтология, примерно такая же, как «незаконное неисполнение закона». Противоправность цели поведения рассматривается как признак понятия «обход закона», а не как критерий его деления на два вида.

Апологеты института обхода закона пытаются объяснить его смысл следующим образом: нужно путем толкования выявить тот результат деятельности, который закон запрещает, соответственно запрещенными этим законом должны считаться любые действия, позволяющие достичь того же самого результата, а не только действия, формально упомянутые в норме.

Но в результате такого подхода, во-первых, смешиваются понятия «цель правового регулирования» и «цель поведения», тем более что и то и другое — трудно определимые или вообще неопределимые понятия.

Цель поведения можно определить как представление субъекта о желаемых результатах собственного поведения. Даже в уголовном праве, где все подобные понятия достаточно разработаны и есть целый ряд специфических способов сбора доказательств, цель лишь в отдельных случаях, предусмотренных законом, признается факультативным признаком субъективной стороны состава преступления.

К тому же цели поведения конкретного субъекта представляют собой «древо», где более мелкие цели объединяются в более крупные. Как и по каким правилам вычленять их, остается неясным.

Во-вторых, искажается смысл правового регулирования как воздействия на поведение субъектов через предоставление прав и обязанностей с целью обеспечить баланс интересов. Не случайно в большинстве нормативных правовых актов цель правового регулирования не определяется. В имущественных отношениях право воздействует не на цели, а на способы их достижения.

Всем субъектам свойственно стремление укрепить свой социальный статус, в том числе имущественный. Пытаться запрещать это — все равно, что запрещать человеку дышать или есть. А вот способы упрочения социального статуса могут быть разными, именно на них и воздействует право. Одни оно стимулирует (например, расширение производства и создание рабочих мест предпринимателями), к другим относится индифферентно (скажем, к количеству мест работы по найму), третьи признает правонарушениями (к примеру, неисполнение своих обязательств) или преступлениями (например, хищения).

Поэтому применение принципа недопустимости злоупотребления правом, особенно обхода закона как его формы, должно сводиться к оценке правовых средств, форм и конструкций, использование которых сторонами привело к нарушению интересов других лиц.

В-третьих, такой подход влечет смешение понятий. Поведение в имущественных отношениях нужно оценивать не через цель как субъективное представление лица о желаемых результатах, а через достигнутые результаты поведения. При этом результаты сделки необходимо разделять на общие, обусловленные ее предметом и содержанием, и дополнительные. Если первые отсутствуют или не совпадают с квалификацией сторон и при этом нарушаются охраняемые правом интересы других лиц, — налицо основания говорить о мнимости или притворности сделки. Если интересы других лиц не нарушены, то требуется переквалифи-

кация отношений сторон. Институт обхода закона, по нашему мнению, может применяться только исходя из оценки дополнительных результатов сделки.

Без решения этих вопросов институт обхода закона дает судам безграничные полномочия. Например, заключение любого договора об использовании не поименованных в ГК РФ способов обеспечения исполнения обязательств в настоящее время можно признать обходом закона (в частности, установленного им порядка обращения взыскания на заложенное имущество, что является с точки зрения охраны прав должника противоправной целью). Такое положение дел вряд ли будет способствовать развитию гражданского оборота.

Подводя итог, можно констатировать, что проблемы применения принципа недопустимости злоупотребления правом, к сожалению, не решаются, а усугубляются. Правовые средства, которые носят исключительный характер, становятся основополагающими принципами российского права, а декларациям неправового характера, обозначающим лишь направление правового регулирования (справедливости, содействию достижения общего блага и т.п.), придается правовое значение. При этом объективные критерии оценки не вырабатываются, а, наоборот, устраняются и возникающие из-за этого проблемы отдаются на откуп судебной практике.

В результате российское право все больше превращается в беспорядочный набор оценочных категорий с неограниченными полномочиями судов по их применению, что уничтожает системность правового регулирования, правовую определенность и стабильность гражданского оборота. Кроме того, более благодатную почву для коррупции создать просто невозможно.

Остается только ждать, когда общество устанет нести риски немотивированных, необъективных, а то и просто безграмотных судебных решений, — и вновь встанет вопрос об ограничении полномочий судов, о выработке и законодательном закреплении системы оценочных категорий и объективных критериев их применения.